

После совместного обеда они не стали задерживаться в ресторане и сразу вернулись в свой номер. То ли благодаря настойчивости Мориса, то ли по какой-то другой причине, но портье предоставил им другие апартаменты. Помимо традиционной роскоши, в этой комнате было то, что по-настоящему поразило Хань Цзина. Огромная круглая кровать в спальне сразу приковывала к себе взгляд, но еще удивительнее был потолок над ней — собранный из множества ромбовидных зеркал, он отражал каждый уголок ложа.

Хань Цзин на мгновение замер. В его воображении сама собой вспыхнула яркая, чувственная картина: как они с Морисом предаются страсти на этой постели, отражаясь в зеркальной мозаике.

— Тебе не нужно возиться с вещами, багаж разберет прислуга, — Морис уже сидел за письменным столом в глубоком кожаном кресле и открывал свой портативный компьютер.

— И не стели мне постель. Сегодня слишком много дел, отдыхать некогда.

Даже будучи беременным, Морис держал спину безупречно прямо. Он мгновенно включился в работу, и в его голосе зазвучали привычные властные, сухие нотки.

Хань Цзин слегка растерялся, чувствуя, как привычный контроль ускользает из рук. Подняв с кровати забытый Морисом китель, он тихо подошел к столу.

— Накинь, если станет прохладно.

— Неужели нельзя отдохнуть хотя бы полчаса? — мягко, но настойчиво уговаривал Хань Цзин, аккуратно подкладывая мягкую подушку под поясницу Мориса. — Каким бы удобным ни было кресло, оно не заменит нормальную постель. Наша малышка буянила все утро. Думаю, она тоже не прочь вздремнуть.

Хань Цзин наклонился и бережно положил ладонь на округлившийся живот Мориса. Тот уже открыл было рот, собираясь возразить, но вдруг резко нахмурился. Ребенок словно услышал слова второго отца и в ответ завопил с удвоенной силой. Живот тут же пронзила тонкая, тянущая боль, отозвавшаяся в груди мощным, щемящим ударом сердца — неразрывная связь плоти и крови.

Плод был еще слишком мал, и Хань Цзин не мог почувствовать полноценного толчка, лишь уловил едва заметное, призрачное копошение под ладонью. Настолько слабое, что он едва поверил своим ощущениям.

— И почему она вечно на твоей стороне? Опять меня пнула, — Морис бессильно откинулся на подушку, устремив на Хань Цзина притворно-обиженный взгляд.

— Правда?! — Хань Цзин взволнованно замер. — А я ничего не почувствовал...

— Ей всего пять месяцев. Говорят, отчетливые шевеления начинаются только после шестого, — Морис поморщился, потирая ноющий живот. Хань Цзин тут же бережно накрыл его руку своей, помогая унять боль мягкими, круговыми движениями.

— Она у нас, похоже, егоза. В самолете тебе тоже было плохо?

— Она всегда очень активная, просто эта тупая боль внизу живота изматывает, — перед Хань Цзином Морис не пытался притворяться сильным. — Но я чувствую, что с ней все в порядке. На плановом осмотре на следующей неделе нам обязательно скажут, что все хорошо.

— Раз так переживаешь за нее, то послушай меня. Да и дочка, видишь, согласна, — Хань Цзин обнял его со спины, ласково и размеренно поглаживая выпирающий живот. — Всего полчаса сна, дела никуда не убегут. Я разбужу тебя вовремя, а ты пока немного отдохнешь. Тебе нужно беречь себя.

— Не надо меня будить... — от непрерывных толчков ребенка Морис, обычно сдерживавший любые слабости, окончательно потерял концентрацию. Он неохотно поднялся, но вместо того чтобы лечь, крепко прижался к Хань Цзину. Его тело словно изнывало от жажды, инстинктивно ища тепла.

— Морис? — Хань Цзин опешил, его сердце пропустило удар. Морис вдруг потянулся к его ремню, уверенно расстегивая пряжку. Он проявлял инициативу сам?!

Горячий, требовательный поцелуй оборвал все вопросы. Хань Цзин ощутил, как Мориса колотит от желания — его кожа горела, словно охваченная степным пожаром, а пах, прижатый к бедру Хань Цзина, налился тяжелым, нестерпимым жаром.

— Помоги мне... — хрипло выдохнул Морис. Он перехватил руку Хань Цзина и направил ее к своему возбужденному члену. От этого мимолетного касания Морис резко зажмурился, в горле у него вырвался сдавленный стон, и он тяжело навалился на грудь партнера, теряя опору в ногах.

— Хочу тебя... — его щеки полыхали румянцем, но даже сквозь пелену вожделения разум Мориса работал четко. Раз уж все равно придется сделать перерыв, лучше полностью утолить этот изнуряющий голод. Иначе до самого вечера его будет изводить лихорадочное нетерпение, и он просто не сможет сосредоточиться на подготовке к завтрашнему совету.

— Мы же только вчера ночью... — договорить Хань Цзину не дали. Его повалили на кровать. Шерстяной джемпер полетел на пол, пуговицы на рубашке с треском разлетелись под нетерпеливыми пальцами Мориса. Тот явно спешил.

Сбросив с себя остатки одежды, Морис устроился верхом на бедрах Хань Цзина. Шелковистые золотые волосы рассыпались по его обнаженным плечам. Обхватив ладонями оба напряженных члена, он принялся торопливо, судорожно ласкать их. В этом жесте проступил тот самый

Морис, которого Хань Цзин знал так хорошо: лицо пылало смущением, взгляд был опущен, а напускное хладнокровие лишь подчеркивало его трогательную беззащитность.

Морис хотел закончить как можно скорее, без долгих прелюдий и нежностей — просто сбросить изнуряющее напряжение, чтобы со свежей головой вернуться к документам.

— Не двигайся... Я сам... — Морис приподнял бедра. Его затуманенные, влажные изумрудные глаза уставились на Хань Цзина. Он пытался звучать строго, но Хань Цзин видел лишь то, как его собственный член, до предела налившийся кровью, пульсирует в ожидании.

— Ах!.. — сорвался на выдох Морис, когда начал медленно опускаться на него. Изголодавшаяся плоть с обостренной чувствительностью приняла Хань Цзина внутрь. Нахлынувшая волна удовольствия была столь резкой, что Морис содрогнулся, сжав зубы от сладкой судороги.

Неужели его тело стало настолько ненасытным? Морис прикусил нижнюю губу, пытаясь совладать с ураганом ощущений.

— Я сам... — с трудом переведя дыхание, он вновь бросил на Хань Цзина предостерегающий взгляд.

Глядя на партнера, который раскрывал свою уязвимость только перед ним одним, Хань Цзин обуздал собственный порыв. Он лишь мягко устроил ладони на его округлившейся, ставшей шире талии.

— Хорошо, я не шевелюсь. Только придерживаю тебя... и нашу крошку, — его голос сорвался на хриплый, нежный шепот.

— М-м...

Словно стесняясь собственной несдержанности, Морис опустил голову. Золотистые пряди рассыпались по его коже, белой и гладкой, как первосортный нефрит, которая теперь порозовела от возбуждения.

Сидя верхом на Хань Цжине, он начал медленно, осторожно покачиваться. Он явно беспокоился за ребенка, но разгоряченная плоть требовала большего. Подобно запущенному волчку, его тело ловило малейший толчок, утягивая его в бесконечный, безумный водоворот наслаждения. Контроль стремительно испарялся.

Поначалу он еще сдерживал стоны, но с каждым движением внутренний жар разгорался все сильнее. Их влажные, разгоряченные тела терлись друг о друга, и каждое покачивание бедер отзывалось двойной, невыносимо острой стимуляцией.

Морис окончательно потерял власть над собой. От переполнявшего его накала чувств он тихо,

испуганно всхлипывал, но бедра вопреки воле двигались все быстрее, совершая неистовые, тягучие толчки.

— Ох... ах!

Вдруг Хань Цзин услышал тихий, сладкий плач — тело под его руками на мгновение обмякло, содрогнувшись от первого, короткого оргазма. Но этого было мало, чтобы утолить голод Мориса. Хань Цзин знал: очень скоро его накроет новая, еще более мощная волна. И действительно, тесные внутренние стенки сжались с невероятной силой, утягивая в пульсирующий плен.

Морис запрокинул голову, приоткрыв рот. Его сапфировые глаза подернулись влажной дымкой. Взгляд заскользил по ромбовидным зеркалам на потолке — в каждом из них дрожало и множилось его собственное обнаженное тело, извивающееся в экстазе. Золотые волосы метались по подушке, а нескончаемый поток наслаждения накатывал волнами, заставляя его послушно подстраиваться под безумный ритм.

Но почему этого недостаточно? Почему?! Морис содрогался раз за разом, но никак не мог достичь той самой вожделенной вершины. Неполная разрядка превратилась в пытку. Теряя терпение, он уперся руками в матрас, выгибая спину в отчаянной попытке освободиться от этого изнуряющего зуда.

— Тихо, не спеши, — Хань Цзин больше не мог оставаться безучастным. Он приподнялся и крепко обнял его разгоряченное, дрожащее тело. От этого тесного контакта Морис судорожно забился в его руках — лавина ощущений грозила полностью лишить его рассудка.

— Потерпи еще немного...

— Доверься мне. Просто держись за меня крепче, — тяжело дыша, Хань Цзин сдерживал собственный подступающий пик, хотя его лоб уже покрылся крупными каплями пота.

Когда Морис в его объятиях немного успокоился, Хань Цзин нежно приподнял его покрасневшее лицо. В затуманенных синих глазах застыла сонная, беззащитная обида.

— Если двигаться так резко, можно навредить ребенку, — прошептал Хань Цзин. Сердце сжималось от нежности к этому сильному мужчине, ставшему сейчас таким хрупким. Он осыпал поцелуями его лицо, виски, спускаясь к чувствительной шее и плечам.

— Все хорошо. Обними меня. Мы будем медленно... не торопись.

— Почему... почему мое тело так себя ведет? — пробормотал Морис, утыкаясь ему в плечо. Он никогда не был искушен в любовных утехах, но даже он понимал, что с ним творится что-то неладное. Они были вместе больше полугода, делили постель почти каждую ночь, но Хань

Цзин по-прежнему умудрялся доводить его до такого состояния, которое пугало его собственной силой.

— Откуда мне знать? Может, ты просто слишком непутевый в этих делах? — беззлобно поддразнил его Хань Цзин. — У каждого есть свои слабые стороны. Похоже, твоя — именно здесь.

Он начал медленно, плавно двигаться внутри него. Морис мгновенно содрогнулся и, закусив губу, спрятал лицо у него на шее.

— Неужели настолько чувствительный?

Морис попытался проигнорировать этот издевательский вопрос, но Хань Цзин тут же прицельно толкнулся в самую отзывчивую точку, задерживаясь там и медленно прокручивая бедра, словно требуя ответа.

Морис жалобно всхлипнул и крепче сжал объятия. Наслаждение ударило по нервам с такой сокрушительной силой, что он не выдержал.

— Да... Ах! — признался он, содрогаясь всем телом.

Будь они в других обстоятельствах, Хань Цзин давно бы отдался страсти без остатка, упиваясь вкусом этого великолепного тела. Но сейчас, помня о пятимесячном сроке, он сдерживал себя из последних сил. Он плавно, бережно ускорял темп, переплетая свои пальцы с пальцами Мориса. Прижавшись ладонь к ладони, они сидели лицом к лицу, сплетенные в соитии.

Над ними, в ромбах зеркального потолка, отражались их тела. Словно в гигантском калейдоскопе, грани преломляли сплетение разгоряченной плоти, жадные объятия и поцелуи — завораживающая, полная порочной эстетики картина.

Эвиду, Восточный округ

Здание Федерального правительства располагалось в восточном округе Эвиду. Оно охранялось по всем правилам военного времени, поэтому представительский лимузин из отеля «Гей» смог довезти их лишь до Шестой авеню.

— Господин генерал! — часовой на КПП вытянулся во фрунт и отдал четкую воинскую честь приближающемуся Морису.

Морис сдержанно кивнул и прошел внутрь. На нем было просторное серое пальто. Старая

парадная форма генерала больше не сходилась на округлившемся животе, и ему пришлось заказать элегантный готовый костюм свободного кроя в местном салоне «Фелайнс».

— Морис? — стоило ему войти в вестибюль, как навстречу направился государственный секретарь Андрей. — Видеть тебя в добром здравии — истинное облегчение.

— Благодарю вас, господин секретарь, — Морис протянул руку для крепкого рукопожатия.

— Прекрасно, просто прекрасно... — Андрей бегло оглядел его непривычный наряд. Госсекретарь на секунду запнулся, и в его глазах промелькнула едва заметная понимающая усмешка.

Морис сразу это заметил. Он прекрасно понял причину заминки. Все привыкли видеть его исключительно в строгом военном мундире, и гражданский костюм свободного кроя лишь подтверждал циркулирующие слухи.

«Должно быть, о моей беременности уже знает половина штаба», — Морис внутренне поморщился, но внешне сохранил абсолютное, ледяное спокойствие.

— Прошу всех садиться. Сегодня наша цель — обсудить результаты исследовательской миссии SG-I. Все необходимые материалы у вас на руках, и, полагаю, вы успели с ними ознакомиться, — объявил государственный секретарь Андрей, открывая заседание в закрытом конференц-зале.

— Для начала я хочу поприветствовать благополучно вернувшегося к нам генерала Мориса Нормана. Также позвольте представить вам нового участника нашей рабочей группы — авторитета в области психологии, профессора Артура.

Представив глав ведомств, Андрей сел на свое место и активировал планшетный компьютер.

— Генерал Норман, — Андрей без лишних предисловий перешел к делу. — Я внимательно изучил ваш личный рапорт по миссии SG-I. Думаю, все присутствующие здесь разделяют мой крайний интерес к вашему новому статусу Божественного посланника. Не могли бы вы подробнее рассказать нам о так называемой Руне? Очевидно, речь идет о некоем божестве-создателе?

Морис сидел с безупречной военной выправкой. Длинные золотые волосы свободно спадали на спину, лицо оставалось бесстрастным и сосредоточенным.

— Я никогда не видел Руны лично, — ровным тоном начал Морис. — Однако я убежден в её реальности. Это не мифическая Атлантида из земной истории, чье влияние на человечество скрыто вековыми преданиями. Руна напрямую управляет миром Идо, пусть у нас пока и нет возможности изучить её природу. Мой собственный опыт подсказывает, что высшие расы,

обитающие в мире Террант и находящиеся ближе всех к Руне, не раз сталкивались с её проявлением и воочию наблюдали технологии этой сверхцивилизации.

— Сила Руны? Та самая «сила веры», о которой упоминал божественный посланник Фрейр... — Андрей сцепил пальцы в замок и пристально посмотрел на генерала. — Вы уверены, что эта сила действительно существует, генерал Норман? Звучит как магия из европейских сказок или даосское чародейство из восточных легенд.

— Но разве внезапное появление Атлантиды не доказало нам, что древние мифы могут быть вполне реальны? — Морис вывел на общий экран трехмерную схему обломков корабля «Бретон». — Этот истребитель класса «Бретон», вершина технологической мысли цивилизации Нордик, приводится в действие именно за счет силы веры. Нам не стоит цепляться за старые догмы. Когда человечество жило в бронзовом веке, никто и помыслить не мог, что однажды люди поднимутся в космос и покорят Меркурий.

— Основой нашей нынешней технологической эпохи являются микрочастицы: протоны, нейтроны — то есть материя, которую мы можем зафиксировать приборами и подчинить себе. Столкнувшись же с нематериальной силой мысли или духа, мы невольно испытываем скепсис. Это пугает, поскольку противоречит фундаментальным научным концепциям, выстраивавшимся веками, и грозит полностью разрушить привычную картину мира.

— Но мы обязаны принять этот вызов. Мы должны освободить свой разум от шор устаревших догм. Сила веры, лежащая в основе мира Идо, может оказаться тем самым недостающим звеном, ключом к технологиям Атлантиды. Возможно, перед нами открывается дверь на совершенно иной путь эволюции разума.

Голос Мориса звучал спокойно, но в нем чувствовалась непоколебимая, стальная уверенность. Когда он закончил, в конференц-зале воцарилась глубокая, задумчивая тишина.

<http://bllate.org/book/19677/2006464>